
Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом?

© 2021 г. Е.В. Петрова

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

*E-mail: philosophy@rambler.ru
<https://iphras.ru/petrova>*

Поступила 26.05.2021

За время своего существования идея информационного общества претерпела значительные изменения, появилось множество концепций информационного общества, а также связанных с ними концепций сетевого, коммуникативного, цифрового общества. Цель данной статьи – проследить трансформацию представлений об информационном обществе в социуме и культуре от стадии, так сказать, ожиданий воплощения основных его параметров до особенностей видения и оценки характеристик, ставших сегодня, по крайней мере отчасти, повседневной реальностью. В определениях и оценках информационного общества, предложенных философами и социологами в 80–90-х гг. прошлого века, подчеркивались его достаточно оптимистичные для общества технологические характеристики. Спустя три десятилетия в рассуждениях о влиянии этих характеристик на повседневную жизнь стали превалировать негативные оценки современного «информационного ландшафта». «Технологический оптимизм» сменяется «гуманитарным пессимизмом», то есть акцент с технологических достижений смещается на воздействие информационных технологий на человека, его психоэмоциональное состояние, сознание, мировоззрение, когнитивные способности. В задачи статьи входит анализ реальных изменений сознания, психики и мозга человека, вызванные внедрением информационных технологий в повседневную жизнь людей. Все эти процессы ведут к формированию негативного образа «цифрового общества», к неприятию связанных с ним реалий. Но тот факт, что информационное общество в своем идеальном воплощении не состоялось, не отменяет возрастания роли информационных технологий в современной жизни. И на этом фоне, полагает автор, необходим целенаправленный, в том числе и философский, анализ релевантных проблем с целью осмысления того, как можно сбалансировать образ системы «человек – информационная среда». Существенную роль в таком анализе может сыграть информационная экология.

Ключевые слова: информационное общество, общество знания, информация, знание, коммуникация, «зловещая долина», «усталость от Zoom», информационно-коммуникационные технологии, информационное загрязнение, роботизация, информационный кокон.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-25-35

Цитирование: *Петрова Е.В.* Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом? // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 25–35.

The Image of the Information Society in Culture: Optimism Gives Way to Pessimism?

© 2021 Ekaterina V. Petrova

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

*E-mail: philosophyx@rambler.ru
<https://iphras.ru/petrova>*

Received 26.05.2021

During its existence, the idea of an information society has undergone significant changes, many concepts of the information society have appeared, as well as related concepts of a network, communicative, digital society. The purpose of this article is to trace the transformation of the “image” of the information society in culture from the stage of expectations of the embodiment of its main parameters to the peculiarities of vision and assessment of its characteristics, which have become everyday reality today. In the definitions and assessments of the information society, proposed by philosophers and sociologists at the end of the last century, its technological characteristics, which are quite optimistic for society, were emphasized. Three decades later, negative assessments of the modern “information landscape”, such as Internet addiction, information pollution, information stress, began to prevail in discussions about the impact of these characteristics on everyday life. “Technological optimism” is replaced by “humanitarian pessimism”, that is, the emphasis from technological advances is shifted to the impact of information technology on a person, his psycho-emotional state, consciousness, worldview, and cognitive abilities. The objectives of the article include the analysis of real changes in consciousness, psyche and human brain, caused by the introduction of information technology in the daily life of people. All these processes lead to the formation of a negative image of the “digital society”, to the rejection of the realities associated with it. But the fact that the information society in its ideal embodiment did not take place does not negate the growing role of information technologies in modern life. And against this background, the author believes, a purposeful, including a philosophical analysis of relevant problems is needed in order to understand how to balance the image of the “person – information environment” system. Information ecology can play a significant role in such analysis.

Keywords: information society, knowledge society, information, knowledge, communication, “uncanny valley”, “Zoom fatigue”, information and communication technologies, information pollution, robotization, information cocoon.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-25-35

Citation: Petrova, Ekaterina V. (2021) “The Image of the Information Society in Culture: Optimism Gives Way to Pessimism?”, *Voprosy Filosofii*, vol. 8 (2021), pp. 25–35.

С момента появления идеи информационного общества прошло уже более полувека. За это время идея претерпела существенные изменения, появилось множество концепций информационного общества, а также связанных с ними концепций сетевого, коммуникативного, цифрового общества. Информационное общество можно рассматривать с очень разных точек зрения: с экономической, технологической, социологической,

психологической. Каждая из этих точек зрения будет по-своему интересна и по-своему же неполна в силу своей достаточно узкой направленности. Для философа же, как всегда, интереснее всего рефлексия, некое «надпонимание», положение «над схваткой». Другими словами, анализ «преломления» концепций информационного общества, хотя бы даже его многочисленных определений, в культурном универсуме и научном дискурсе. Причем анализ в развитии, «с поправкой на эпоху». Конечно, такая задача очень многопланова и масштабна, поэтому в данной статье я попытаюсь наметить хотя бы основные подходы к проблеме. Речь пойдет о сравнении не самих концепций и определений, а выраженного в них отношения к информационному (цифровому) обществу, сравнении «образа» информационного общества в науке и культуре на современном этапе и в его «классическом» воплощении. Кроме того, попытаюсь показать, какое влияние изменение реалий информационного общества оказывает на человека, его сознание, мировоззрение, когнитивные способности.

Расцвет концепций информационного общества приходится на 80-е гг. XX в., когда они пришли на смену концепциям постиндустриального общества, господствовавшим в 1970-е гг. Количество определений информационного общества можно сравнить с количеством определений понятия «культура». Для дальнейшего анализа возьму за основу определение, данное российским исследователем А.И. Ракитовым в 1991 г. в работе «Философия компьютерной революции». Определение отличается достаточной полнотой и развернутой характеристикой описываемого вида общественного устройства. С одной стороны, оно является «классическим» определением информационного общества, с другой – как бы обобщает отечественные и зарубежные концепции 80-х гг., отражая их основные черты.

«Информационный ландшафт» времени, когда появилось это определение, резко отличался от современного. Персональных компьютеров было мало (по крайней мере, в России), ноутбуков – вообще единицы, а уж смартфонов не существовало даже в проекте. Соответственно, никто не проводил время в соцсетях, не выкладывал фотографии в Инстаграме и статусы во ВКонтакте. Тем интереснее вернуться почти на 30 лет назад и посмотреть, какие характеристики информационного общества представлялись его теоретикам наиболее существенными в то время. Позволю себе привести полностью достаточно длинную цитату, так как важны все аспекты определения.

Итак, согласно А.И. Ракитову, общество «является информационным, если:

1) любой индивид, группа лиц, предприятие или организация в любой точке страны и в любое время могут получить за соответствующую плату или бесплатно на основе автоматизированного доступа и систем связи любые информацию и знания; <...>

2) в обществе производится, функционирует и доступна любому индивиду, группе или организации современная информационная технология, обеспечивающая выполнимость предыдущего пункта;

3) имеются развитые инфраструктуры, обеспечивающие создание национальных информационных ресурсов в объеме, необходимом для поддержания постоянно убыстряющегося научно-технологического и социально-исторического прогресса. Общество в состоянии производить всю необходимую для жизнедеятельности информацию, и, прежде всего, научную; <...>

4) в обществе происходит процесс ускоренной автоматизации и роботизации всех сфер и отраслей производства и управления;

5) происходят радикальные изменения социальных структур, следствием которых оказывается расширение сферы информационной деятельности и услуг» [Ракитов 1991, 32].

Довольно оптимистичная характеристика, в которой не отражены такие негативные моменты, как интернет-зависимость, информационное загрязнение, информационный стресс, информационное перенасыщение – все то, с чем мы столкнулись за последующие десятилетия становления и развития информационного общества и цифровой среды. Это, если так можно выразиться, определение «идеального» информационного общества, каким оно мыслилось его теоретикам в его классическом воплощении.

Проанализируем для сравнения определение 2019 г., характеризующее современную информационную среду: «1) доступность и высокая скорость передачи информации; 2) агрессивное навязывание лишней информации различными информационными источниками; 3) односторонность представления информации в связи со спецификой работы интернет-сервисов; 4) зависимость индивида и общества от коммуникационных технологий» [Труфанова 2019, 4].

Нетрудно заметить, что у двух определений с временным промежутком почти в 30 лет есть *только один* объединяющий пункт – возможность быстрого доступа к информации. Это, пожалуй, единственное неоспоримое преимущество, данное нам развитием информационно-коммуникационных технологий. Необходимо, конечно, оговориться, что Е.О. Труфанова акцентирует внимание именно на тех характеристиках современной информационной среды, которые ведут к информационному перенасыщению индивида, потому что такова цель ее работы. Но так или иначе, эти характеристики существуют, они реальны, на них обращает внимание все большее число исследователей. «Технологический оптимизм» сменяется «гуманитарным пессимизмом», то есть акцент с технологических достижений смещается на проблему воздействия информационных технологий на человека, его психоэмоциональное состояние, сознание, мировоззрение, когнитивные способности. Более того, если детальнее проанализировать реальные характеристики информационно-коммуникационного современного ландшафта, можно, вслед за социологом Д.В. Ивановым, прийти к неожиданному на первый взгляд выводу: глубокое проникновение в жизнь человека информационно-коммуникационных технологий скорее отдаляет нас от информационного общества в его «идеальном определении».

По мнению Иванова, современный тип общественного устройства не соответствует вышеперечисленным критериям информационного общества, хотя основные технические и экономические признаки постиндустриальной эпохи присутствуют: преобладание в ВВП сектора услуг, снижение доли занятых во «вторичном» (индустриальном) и рост доли «третичного» сектора экономики (сферы услуг), постоянно растущие темпы компьютеризации [Иванов 2004]. Университет не пришел на смену промышленной корпорации в качестве основного института «нового общества», скорее научное знание было встроено в процесс промышленного производства. Современное общество трудно охарактеризовать как целостную взаимосвязанную систему институтов. Оно, по мнению А. Турена, больше напоминает неоднородное поле дискуссий и конфликтов по поводу распределения в социуме символических благ [Touraine 1984]. Иванов показывает, что в современном информационном обществе понятие «информация» соответствует скорее понятие «коммуникация», а не «знание», и призывает отличать тиражирование интеллектуального продукта (с помощью средств массовой коммуникации) от его создания. «Наблюдая современных политиков и их избирателей, биржевых брокеров и их клиентов, журналистов и их аудиторию, нетрудно заметить: более информированный человек – это не тот, кто больше знает, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций», – пишет Иванов [Иванов 2002, 14–15]. Схожая ситуация наблюдается и в экономике: реклама – это не сообщение информации о товаре, а формирование его привлекательного для покупателя образа. Создание образа подразумевает работу со знаками, символами, а коммуникации, по сути, и являются потоками символов.

Австралийский политолог и философ Дж. Кин занимает схожую позицию, называя современность эпохой «коммуникационного изобилия». И справедливо замечает при этом, что данная эпоха, как и каждая предшествующая коммуникационная революция, «порождает преувеличения, ложные надежды и иллюзии» [Keane 2013, 17]. Амбивалентность ситуации «коммуникационного изобилия» заключается в том, что при всем обилии и многообразии сетевых коммуникаций их поверхностность и кратковременность приводит к тому, что человек в итоге начинает чувствовать себя более одиноким [Marcinkiewicz-Wilk 2018].

Еще в начале нынешнего века информационная среда, по сравнению с современностью, в гораздо меньших масштабах проникала в жизнь человечества. Она

не воспринималась как некий феномен, требующей специальной адаптации. Другими словами, влияние информационной среды на человека и социум явно недооценивалось. Зато в последние несколько лет поток публикаций, посвященных проблеме воздействия (зачастую негативного) информационно-коммуникационных технологий и цифровой среды на жизнедеятельность человека, возрастает каждый год чуть ли не в геометрической прогрессии. К этой теме (каждый со своих позиций) обращаются философы, культурологи, нейрофизиологи, биологи, экологи. И, как справедливо отмечает Е.О. Труфанова, этот поток публикаций является «не проявлением технологического алармизма, а лишь констатацией текущего положения дел» [Труфанова 2019, 19].

10-15 лет назад среди социологов и философов был очень популярен термин «общество знания» или «общество знаний»¹. П. Дракер, с именем которого связывают введение в научный оборот идеи общества знаний, характеризовал знание «не просто как силу, но как силу, способную создавать новое общество» [Алексеева 2009, 10]. Традиционно принято считать, что общество знаний является следующей ступенью за информационным обществом. Однако существует и заслуживающая внимания альтернативная точка зрения. По мнению А.О. Карпова, основы концепции общества знаний были заложены еще в 1940-х гг., а «совокупность трудов, весьма полно идентифицирующих развивающееся общество знаний, была создана уже к 1968 году, т.е. ко времени, когда теории постиндустриализма и информационного общества и их реальность только начинали заявлять о себе» [Карпов 2016, 58].

Д. Белл, один из известнейших теоретиков постиндустриального общества так же, как и П. Дракер, отводил знанию основную «социопорождающую» роль в современном обществе: «Если капитал и труд являются основными структурными элементами индустриального общества, то информация и знание – основные черты общества постиндустриального», – писал Д. Белл [Bell 1973, 20]. Причем Белл подчеркивал роль именно научного, теоретического знания: «Отличительной чертой постиндустриального общества является изменение самого характера знания. Главную роль в принятии решений и управлении переменами стало играть теоретическое знание» [ibid., 43].

Одну из наиболее полных характеристик общества знания дает в своей работе И.Ю. Алексеева: «Общество знаний – это динамично развивающееся общество, качественное своеобразие которого определяется действием совокупности факторов, включающей следующие: 1) широкое осознание роли знания как условия успеха в любой сфере деятельности; 2) наличие (у социальных субъектов разного уровня) постоянной потребности в новых знаниях, необходимых для решения новых задач, создания новых видов продукции и услуг; 3) эффективное функционирование систем производства знаний и передачи знаний; 4) взаимное стимулирование предложения знаний и спроса на знания (предложение стремится удовлетворять имеющийся спрос на знания и формировать спрос); 5) эффективное взаимодействие в рамках организаций и общества в целом систем/подсистем, производящих знание, с системами/подсистемами, производящими материальный продукт» [Алексеева 2011, 274].

Для многих крупнейших аналитиков информационного общества второй половины XX в. (Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, Й. Масуда, А.И. Ракитов...) характерно отсутствие четкого разграничения между понятиями «информация» и «знание». Наиболее часто позиция современных исследователей о соотношении понятий «общество знаний» и «информационное общество» представлена примерно следующим образом: «С одной стороны, на основании неэквивалентности терминообразующих понятий “информация” и “знание”, рассматриваемых, соответственно, как количественный и качественный показатели, информационное общество и общество знания определяются как различные типы общества. С другой стороны, сходность присущих этим обществам характеристик не позволяет сделать вывод о их глобальном отличии» [Климова 2016, 73]. Но все больше современных исследователей выступают за четкое разграничение понятий «информация» и «знания» и, соответственно, «информационное общество» и «общество знания», приводя заслуживающие внимания аргументы.

Обращаясь к концепции общества знания, нельзя не затронуть проблему ценности знания вообще и научного знания в частности. Отношение к знанию в различные исторические периоды различалось. Позитивный образ научного знания берет свое начало в трудах Ф. Бэкона. С этого времени «научно-технический прогресс неявно осознается как выход за границы возможного», а «наука стала осознаваться как средство умножения знаний с целью создания искусственных условий и устройств для облегчения жизни человека» [История, философия... 2015, 271]. При этом до начала XX в. наука была довольно закрытой средой, что связано с немногочисленностью и обособленностью сообщества ученых, а также малой распространенностью высшего образования. В последние десятилетия ситуация меняется: наука становится доступнее и ближе простому обывателю, что связано, во-первых, с сильно возросшей доступностью высшего образования, а во-вторых, с развитием информационно-коммуникационных технологий. На втором моменте остановлюсь подробнее. «Дистанция между наукой и аудиторией сокращается, и научпоп-блогеры играют в этом важную роль», – вполне обоснованно полагает Д. Ишков, автор спецпроекта «Наука – хит сезона: зачем ученые становятся блогерами» [Ишков web]. Появились такие понятия, как гражданская наука или научное волонтерство, то есть вовлечение непрофессионалов в процесс производства научного знания. Минусы открытости и популяризации науки менее очевидны, чем положительные стороны этого явления, но не менее серьезны. Растущая популяризация научных исследований порождает «больше возможностей и соблазна маскировать под научные данные фейки, привлекающие внимание широкой аудитории» [там же].

Доверие к популяризированной науке, в которую проникают фейки, закономерно падает. Обыватель переносит свое недоверие и на строгую академическую науку, так как не видит разницы между ней и научпопом. Кроме того, видя, что на научные темы высказывается очень широкая аудитория, включая блогеров и волонтеров, обыватель начинает считать себя также компетентным в тех вопросах, где у него компетентности нет и быть не может за счет отсутствия профессиональных знаний и образования. Отчасти отрицание опасности коронавируса и недоверие к вакцинации вызваны именно этим фактом. «Пандемийный» 2020 г. стал своего рода «проявителем» многих теневых сторон цифровизации. Это связано с процессами самоизоляции, массового перехода на удаленную работу и дистанционное образование. Например, появилось новое явление, получившее название «Zoom fatigue» («усталость от Zoom»). Оно связано с тем, что невербальную коммуникацию собеседника (мимика, жесты) при взаимодействии онлайн считать сложнее, чем при личном взаимодействии. Например, пауза при «живом» разговоре может говорить о том, что собеседник задумался, а при онлайн-общении быть свидетельством технических проблем, «зависания» интернет-соединения. Из-за этого приходится более точно и развернуто формулировать свои мысли, а также тщательнее проговаривать фразы. Кроме того, при работе в удаленном режиме сложнее настроиться на рабочий лад, так как домашняя обстановка, отсутствие правильно организованного рабочего места и присутствие других членов семьи может действовать расслабляюще, отвлекающе, а то и раздражающе.

Проанализируем, как изменилось за последние несколько десятилетий отношение в обществе к такому условию становления информационного общества, как процесс масштабной автоматизации и роботизации. Ракилов еще в 1991 г. писал как о плюсах, так и о минусах роботизации. Но и позитивные, и негативные черты касались, как правило, внедрения роботов и автоматов в производство, освобождения человека от тяжелого физического и монотонного труда и, соответственно, социальных последствий этого – безработицы, увеличения времени досуга: «Огромному числу людей в случае, если автоматизация станет всеобщим и универсальным явлением, предстоит не просто изменить образ жизни, но и ответить на вопрос, чем заниматься в свободное от физического труда время» [Ракилов 1991, 272]. При этом вопросы, касающиеся непосредственного контакта человека с роботом, его когнитивного восприятия, социально-психологического осмысления этого процесса в то время широко не обсуждались. Хотя

Ракилов предвидел, что «психологическая адаптация к автоматизированному и роботизированному производству... коснется не только производственных процессов, но и повседневной жизни, системы массовых взаимодействий и содержания индивидуальной деятельности» [Ракилов 1991, 273–274].

Современность показывает, что это условие активно выполняется, роботы используются во все большем количестве сфер, начиная от производства и заканчивая домашним хозяйством (робот-пылесос) и даже сферой интимных отношений. Но философа интересует не сам процесс роботизации, а отношение к нему в культуре и социуме. А здесь не все так однозначно. Восторженно-удивленное отношение к роботам, преобладающее на заре роботизации, когда роботы были скорее проектами и персонажами научной фантастики, а в реальности существовали довольно примитивные модели, с которыми сталкивалось относительно мало людей, постепенно сменилось появлением в общественном сознании так называемого эффекта «зловещей долины». Этим термином характеризуется ощущение страха, охватывающее человека при контакте с неживым антропоморфным объектом (роботом), максимально похожим на человеческое существо. Термин был введен в 1970 г. японским робототехником М. Мори [Mori 2012] и описывает своеобразный психологический эффект «отторжения при восприятии искусственных объектов, максимально реплицирующих живого человека, а также его части тела» [Катерный 2017, 88]. Собственно, «зловещая долина» – это резкий спад на графике, отражающем степень симпатии человека к роботу. Сходство робота с человеком привлекательно лишь до определенного предела, наиболее человекоподобный (но все же несколько отличающийся от человека, например, мимикой) робот вызывает страх и отторжение.

Существует несколько теорий, объясняющих эффект «зловещей долины». Если рассматривать его с позиций нейрофизиологии, то выявляется связь с концепцией зеркальных нейронов, возбуждающихся как при выполнении какого-либо действия, так и при наблюдении за выполнением этого действия другим человеком (например, мы, как правило, улыбаемся в ответ на улыбку собеседника). При наблюдении за мимикой андроида может возникать своего рода эмоционально-когнитивный диссонанс – он может улыбаться, при этом выражение его глаз не меняется. Возникает рассогласование между реальностью и ожиданием, нарушается механизм эмпатии и появляется чувство страха.

Другое объяснение апеллирует к работе З. Фрейда «Жуткое». Одна из черт «жуткого», по Фрейду, – способность вызывать испуг потому, что оно «не знакомо и не привычно» [Фрейд 2006, 265]. В качестве примера ситуации, вызывающей ощущение жуткого, Фрейд, вслед за Э. Йенчем, описывает ситуацию сомнения «в одушевленности кажущегося живым существа, и наоборот: не одушевлена ли случайно безжизненная вещь», приводя в качестве примера «впечатление от восковых фигур, искусно изготовленных кукол и автоматов» [там же, 267]. Нельзя не отметить, что данный пример как нельзя лучше описывает впечатление от человекоподобных роботов! Осталось разобраться, почему именно такого рода объекты вызывают у человека чувство ужаса.

Для этого вновь обратимся к Фрейду: «Самым жутким кажется многим людям то, что связано со смертью, покойниками, с возвращением мертвых, с духами и с привидениями». То есть речь идет о первобытном страхе смерти, а особенно о страхе перед ожившим мертвецом (зомби), так как он способен к определенным действиям, например, навредить живому, а то и забрать его с собой в загробный мир. «Жуть от падачей болезни, сумасшествия – того же происхождения» [там же, 275–276], так как здесь мы видим проявления овладевшей человеком неизвестной, потусторонней, злонамеренной силы. Далее Фрейд отмечает, что «часто и легко впечатление жуткого возникает, когда стирается грань между фантазией и действительностью, когда перед нами предстает нечто реальное, что до сих пор мы считали фантастическим» [там же].

Таким образом, в человекоподобных роботах есть что-то от оживших мертвецов, зомби, нечто, не позволяющее однозначно определить их онтологический статус,

отнести их к живым или мертвым объектам. Они выглядят, как человек, двигаются, разговаривают. В то же время «неожиданные резкие движения, неестественный цвет искусственной кожи, “мертвый” взгляд и другие детали поведения и внешности человекоподобного объекта способны вызвать страх и ужас, т.к. это сигнализирует о том, что перед нами не живое существо, а нечто чужеродное и опасное» [Катерный 2017, 89].

Подводя итоги рассмотрения этой проблемы, можно сказать, что в образе андроида воплощаются и сочетаются два древнейших и важнейших человеческих страха: страх неизвестного и страх смерти, что и приводит к возникновению эффекта «зловещей долины». По сути, это чисто психологический феномен, не имеющий под собой основы в виде реальной опасности роботов для человека, но его дальнейший анализ имеет важное значение для будущего робототехники, так как андроиды, по задумке их создателей, должны внедряться в самые разные сферы жизни человека, а эффект «зловещей долины» может стать серьезным препятствием к этому.

Казалось бы, чем больше расширяется масштаб охвата всемирной информационной сети Интернет, чем быстрее скорость связи, чем проще и дешевле доступ, тем больше разнообразной информации в любое время и в любом месте мы можем получить. То есть на первый взгляд основное условие информационного общества, по Ракитову, можно считать выполненным. Но все не так просто. Появляются технологические, коммерческие, социально-политические механизмы, регулирующие доступность информации, возможность существования которых на заре развития Интернета не могли предположить даже специалисты. Речь идет о так называемом «информационном коконе», под которым понимается создаваемая для пользователя алгоритмом поисковых сетей выборка, основанная на его запросах и их внутренней логике, действующая зачастую в интересах не истины, а рекламы или цензуры. Данная проблема вполне реальна, так как пользователь лишается объективности и непредвзятости при выборе информации, определенного рода информация ему настойчиво предлагается, в то время как другая, возможно более релевантная, оказывается недоступной.

С проблемой информационного кокона тесно связана и проблема перенасыщения информацией. «Сегодня же в условиях “информационного общества” или “общества знания” познающий субъект настолько пленен сообщениями, поступающими отовсюду, что практически утратил всякую когнитивную автономию и шансы на критическую рефлексию» [Касавин 2013, 48]. Одной из причин такого перенасыщения и неизбежного его последствия – информационного стресса – является то самое, упомянувшееся выше, «коммуникационное изобилие». Другая причина заключается в том, что в процессе внедрения в жизнь человека цифровой среды к привычным видам загрязнения окружающей среды – механическому, химическому, радиационному добавился принципиально новый вид – информационное загрязнение (информационный мусор). Американский эпистемолог М. Линч считает фейковые новости наиболее опасным, но не единственным видом информационного загрязнения. Проблема приобрела такие масштабы, что термин «постправда» (намеренное создание информационного потока, искажающего объективные факты), введенный в 1992 г. драматургом С. Тесичем (Тешичем), в 2016 г. был объявлен Оксфордским словарем английского языка «словом года» [Tesich web]. Происходит обесценивание понятий «правда», «истина». По словам мексиканской писательницы Барбары Перес Куриэль, «концепция истины потеряла привилегированное место, которое она занимала со времен Просвещения» [Curiel web]. Это наверняка повлечет за собой серьезные изменения психики и сознания человека, так как понятие истины является одним из центральных в мировоззрении человека.

Последствия информационного стресса весьма серьезны – это и когнитивные нарушения, рассеивание внимания, ухудшение памяти и способности быстро реагировать и принимать решения. И психосоматические заболевания, начиная с бессонницы и заканчивая сердечно-сосудистыми болезнями. И поведенческие нарушения, например немотивированная агрессия, особенно у детей и подростков. Таким образом, вполне

логично, вслед за Е.О. Труфановой, прийти к выводу, что «информатизация касается не только перестройки ряда социальных процессов, она воздействует непосредственно на индивидуальное сознание, создавая перед индивидом вызовы, с которыми он ранее не сталкивался» [Труфанова 2019, 6].

Как отмечает Н. Карр, постоянное пользование Интернетом изменяет наше мышление, отнимая у человека способность «концентрироваться и созерцать» и провоцируя «хроническую умственную несобранность». Новый мыслительный процесс Карр называет «сетевым», в отличие от привычного ранее «линейного» [Carр 2010, 7]. Не обязательно новый процесс обедняет наше мышление, возможно, он дает преимущества, расширяя наши мыслительные способности. По крайней мере, он лучше соответствует «сетевой» или «цифровой» реальности, позволяя получать информацию быстрее и в более концентрированной форме. Современный человек плотно встроен в «информационную экосистему», являясь ее неотъемлемой частью, наряду с собственно информативной, информационными технологиями и социальными макросистемами пользователей, поэтому у него не остается другого выхода, кроме как адаптироваться к этой экосистеме наилучшим образом.

Безусловно, современная цифровая среда предоставляет нам широкий спектр возможностей – образовательных, рекреационных, культурно-познавательных, экономических, коммуникационных и т.д. Нерационально было бы отвергать и не использовать их, опасаясь каких-либо негативных последствий для своего ментального и физического здоровья, интеллекта или памяти. Но не следует и увлекаться излишним «технологическим оптимизмом» эры начала расцвета Интернета и информационных технологий. Если мы имеем возможность выделять и анализировать темные стороны цифрового общества, значит, необходимо понять, как можно сгладить эти негативные эффекты, и попытаться сбалансировать систему «человек – информационная среда».

Видимо, следует признать, что общество знания в своем идеальном воплощении не состоялось, и сам этот термин уходит в прошлое. Нынешнее общество оценивается в социуме и культуре, скорее, как общество информационного загрязнения, стресса, перегрузок, навязчивой и недостоверной рекламы, информационного мусора. Изменения психики, сознания, мировоззрения человека под воздействием цифровой среды настолько серьезны, что впору говорить о новом человеке – Homo informaticus.

Негативные черты цифровизации способствуют тому, что в сознании обывателя все чаще всплывает образ информационного отшельничества, безинформационного рая, места, где нет Интернета и мобильной связи. Такое место воспринимается как своего рода информационный детокс, способ восстановления психики, нервов, физических и моральных сил. Эти процессы до крайности обострила пандемия. Но является ли оправданным такой негативный образ или же он, по большей мере, – порождение мифов массового сознания? Для ответа на этот вопрос необходим целенаправленный, в первую очередь философский анализ системы «человек – информационная среда». Цель такого анализа – отделить реальные негативные последствия воздействия цифровой среды от надуманных и преувеличенных. Помочь в этом анализе может такая современная становящаяся наука, как информационная экология (более подробно см. [Петрова 2020]).

Примечания

¹ По мнению И.Ю. Алексеевой, эти термины можно считать тождественными, оба они восходят к английскому knowledge society [Алексеева 2009, 5].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Фрейд 2006 – Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. Психологические сочинения. М.: Фирма СТД, 2006. С. 261–297 (Freud, Sigmund, *Das Unheimliche*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

- Алексеева 2009 – Алексеева И.Ю. Что такое общество знаний? М.: Когито-Центр, 2009.
- Алексеева 2011 – Алексеева И.Ю. Общество знаний и гуманитарные технологии // *Философия науки*. Вып. 16. Философия науки и техники. М.: ИФ РАН, 2011. С. 274–288.
- Иванов 2002 – Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
- Иванов 2004 – Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность // *Информационное общество*. Сборник. М.: АСТ, 2004. С. 355–428.
- История, философия... 2015 – История, философия и методология науки и техники: учебник для магистров / Н.Г. Багдасарьян, В.Г. Горохов, А.П. Назаретян; под общ. ред. Н.Г. Багдасарьян. М.: Юрайт, 2015.
- Ишков web – Ишков Д. Наука – хит сезона: зачем ученые становятся блогерами. URL: <https://incrussia.ru/specials/zen-science/>
- Карпов 2016 – Карпов А.О. Работник знаний в генезисе социально-экономической концепции общества знаний // *Вопросы философии*. 2016. № 8. С. 57–68.
- Касавин 2013 – Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // *Вопросы философии*. 2013. № 6. С. 46–57.
- Катерный 2017 – Катерный И.В. Каузальные объяснения эффекта «зловещей долины» в робототехнике: теории и исследовательские данные // *Качество и жизнь*. 2017. № 4. С. 88–96.
- Климова 2016 – Климова А.Б. От информационного общества к обществу знания // *Дискуссия*. 2016. № 7. С. 73–79.
- Петрова 2020 – Петрова Е.В. Информационная экология как «стратегия выживания» человека в цифровой среде // *Вопросы философии*. 2020. № 10. С. 89–98.
- Ракитов 1991 – Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991.
- Труфанова 2019 – Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2019. № 1 (16). С. 4–21.

References

- Alekseeva, Irina Iu. (2009) *What is a Knowledge Society?* Kogito-Centr, Moscow (in Russian).
- Alekseeva, Irina Iu. (2011) “Knowledge Society and Humanitarian Technologies”, *Filosofiya nauki*, Iss. 16., *Filosofiya nauki i tekhniki*, IF RAN, Moscow, pp. 274–288 (in Russian).
- History, philosophy and methodology of science and technology: a textbook for masters* (2015) Yurayt, Moscow (in Russian).
- Bell, Daniel (1973) *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*, Basic Books Ink., N.Y.
- Carr, Nicholas (2010) *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*, W.W. Norton, New York.
- Curiel, Barbara P. (web) “Post-Truth is the Truth as He Sees It”, *Counter Punch*, February 15, 2018, URL: <https://www.counterpunch.org/2018/02/15/post-truth-is-the-truth-as-he-sees-it/>
- Ishkov, Dmitriy (web) *Science is the hit of the season: why scientists become bloggers*, URL: <https://incrussia.ru/specials/zen-science/> (in Russian).
- Ivanov, Dmitriy V. (2002) *The virtualization of society, Version 2.0*, Peterburgskoe Vostokovedenie, St. Petersburg (in Russian).
- Ivanov, Dmitriy V. (2004) “Society as Virtual Reality”, *Information Society*, AST, Moscow, pp. 355–428 (in Russian).
- Karpov, Alexander O. (2016) “The Knowledge Worker in the Genesis of the Socio-economic Concept of the Knowledge Society”, *Voprosy filosofii*, Vol. 8, pp. 57–68 (in Russian).
- Kasavin, Il’ya T. (2013) “Knowledge and Communication: Towards Contemporary Discussions in Analytical Philosophy”, *Voprosy filosofii*, Vol. 6, pp. 46–57 (in Russian).
- Katernyj, Il’ya V. (2017) “Causal Explanations of the Uncanny Valley Effect in Robotics: Theories and Applied Research”, *Kachestvo i zhizn’*, Vol. 4, pp. 88–96 (in Russian).
- Keane, John (2013) *Democracy and Media Decadence*, Cambridge University Press, New York.
- Klimova, Alevtina B. (2016) “From the information society to the knowledge society”, *Diskussiya*, No. 7, pp. 73–79 (in Russian).
- Marcinkiewicz-Wilk, Aleksandra (2016) “Homo technicus – a man in the information society”, *Edu-tainment*, Vol. 1, pp. 11–19.
- Mori, Masahiro (2012) “The Uncanny Valley”, trans. by K.F. MacDorman and N. Kageki, *IEEE Robotics and Automation*, Vol. 19. No. 2, pp. 98–100.

Petrova, Ekaterina V. (2020) 'Information ecology as "survival strategy" of a person in the digital environment', *Voprosy filosofii*, Vol. 10, pp. 89–98 (in Russian).

Rakitov, Anatolij I. (1991) *Philosophy of the computer revolution*, Politizdat, Moscow (in Russian).

Tesich, Steve (web) "A Government of Lies", *The Nation*, 1992, URL: <https://www.questia.com/magazine/1G1-11665982/a-government-of-lies>

Touraine, Alain (1984) "The waning sociological image of social life", *International journal of comparative sociology*, Vol. 25, No. 1, pp. 33–44.

Trufanova, Elena O. (2019) "Information Oversaturation: Key Problems", *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, Vol. 1, pp. 4–21 (in Russian).

Сведения об авторе

ПЕТРОВА Екатерина Викторовна –
кандидат философских наук, ведущий научный
сотрудник сектора философии естественных наук,
Институт философии РАН.

Author's Information

PETROVA Ekaterina V. –
CSc in Philosophy, Leading Research Fellow
Department of Philosophy of Natural Sciences,
Institute of Philosophy, Russian Academy
of Sciences.